

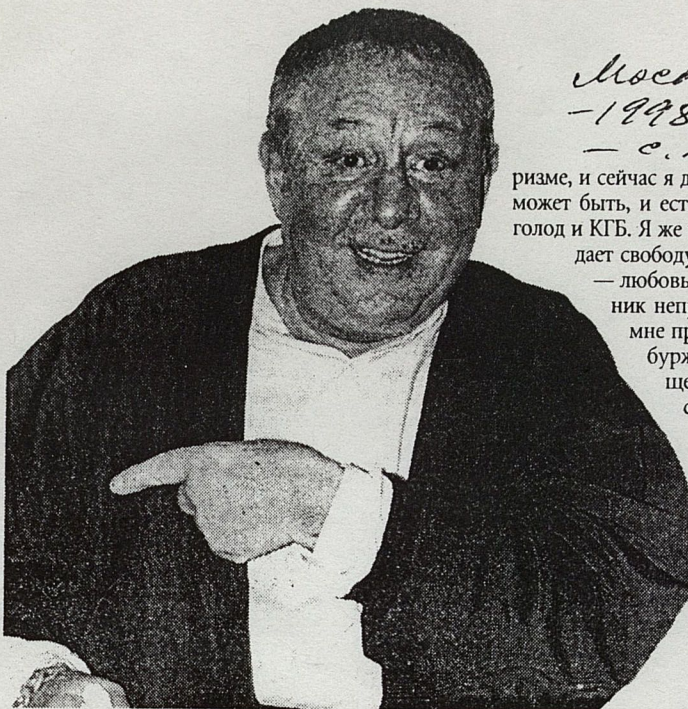
На фестиваль «Русские триумфы в Париже», собравший невиданное созвездие имен, носитель одного из них прибыл в столицу Франции не с Востока, а с Запада. Это скульптор Эрнст Неизвестный, уже 20 лет живущий в Соединенных Штатах. И потому первый вопрос к нему:

— Не трудно ли работать в искусстве без каждодневного контакта со своей страной?

— Нет, не трудно. Я уехал в 51 год, уже совершенно сформировавшимся человеком. Если сравнить мои сегодняшние работы с теми, что я делал в начале 50-х, разницу практически не обнаружишь. Оценивать же российскую реальность — совсем другое дело.

— И как вы ее оцениваете?

— Сегодняшний день России трудно опреде-

ли с куцыми рептильными мозгами: им самим это не нужно. Но лучше, разумеется, чтобы у людей были деньги и чтобы они пели и плясали.

— Каковы ваши ощущения от русской

ризм, и сейчас я делаю то же самое. Не знаю, может быть, и есть художники, чьи музы — голод и КГБ. Я же уверен, что свобода порождает свободу, талант — талант, любовь — любовь. Требование, чтобы художник непременно житейски страдал, мне представляется мещанским и буржуазным. Осмысливая общественные условия, он может страдать, но ему не обязательно самому быть несчастным.

— Как вы оцениваете процесс, который академик Лихачев определил как воссоединение русской материковой и вынужденно отколовшейся от него островной культуры, обосновавшейся на Западе?

— При всем уважении к Дмитрию Сергеевичу здесь я с ним не согласен. Культуру нельзя разрезать на части. Дягилев, Бунин, Набоков, Рахманинов — такая же часть русской культуры, как и художники, из России не уезжавшие. Да и Гоголь, Тургенев или Достоевский многое написали за рубежом. Другое

дело, что я против того, чтобы оценивать культуру с позиций национальной экзотики. Когда меня спрашивают, русский ли я художник, я отвечаю: если я плохой художник, то навсегда останусь русским, если хороший — стану всемирно известным, как Кандинский или Малевич. Данте — итальянец, но он и мой, то есть и русский, и американец.

— В какой культурной среде вы живете? Можно ли назвать ее русской, американской, универсальной?

— Нет-нет, абсолютно не русской. Я долгие годы преподавал в Гарварде, где находился в американской или, скорее, интернациональной среде. У меня музей в Швеции, в Италии была студия, в Австрии. В последнее время, когда отношение ко мне в России изменилось, я очень часто общаюсь с русскими, но не в Нью-Йорке: я живу в Сохо, где моих соотечественников просто нет.

— Один русский поэт-эмигрант, живший в Париже, как-то сказал: эмиграция — всегда трагедия, но не всегда неудача.

— Очень правильно. Маску с людей срываю война, тюрьма и эмиграция. Для тех, кто эту маску носил, наступает трагедия. Для тех, кто жил без маски, — тяжелое испытание, но не трагедия.

Виталий ДЫМАРСКИЙ,
собкор РИА «Новости» —
специально для «МН»

Древо жизни Эрнста Неизвестного

лить. Ясно только, что она больна. И прошлым, и настоящим, и возможно, даже будущим. Причем многие ее болезни не связаны непосредственно с периодом социализма. Страна больна и своим евроазиатским геополитическим положением, но с этим уже ничего не сделаешь.

— Может ли искусство выступить в роли лекаря?

— Я глубоко в этом уверен. Более того. Мне кажется, что я нашел такой отклик. В Магадане люди плачут возле моего монумента жертвам утопического сознания, а в Элисте, где по просьбе Илюмжинова я поставил памятник, посвященный трагедии калмыцкого народа, многие даже молятся на эту фигуру. Значит, не все уснули. Я не верю, что трудная жизнь убивает искусство. Есть две вещи, которые никакая тирания — ни прямая,

ни денежная — запретить не в силах. Это секс и поэзия. Конечно, поэзия высокая. Считать, что если людям плохо живется, то им не нужно ни песен, ни фильмов, ни скульптур, могут лишь чиновни-

культуры, которую сейчас принято хоронить?

— Как член Президентского совета по культуре я все время повторяю: хватит болтовни, надо вводить такую налоговую систему, которая облегчила бы финансирование культуры. В России у меня фонд по поддержке искусства и культуры, содержу его сам, потому что никак не могу найти спонсора. Спонсором быть невыгодно. А если учредить систему налоговых поощрений, можно было бы поднять целый пласт культуры, особенно провинциальной, молодежной. Я ее хорошо знаю, поскольку бываю в основном не в Москве, а в Магадане, в Екатеринбурге, в Воркуте. И знаю, какие там блестящие таланты. Ого-го!

— По вашему «плану монументальной пропаганды» в Москве вырастет семиметровое «Древо жизни». Каким оно будет?

— Сначала мне хотелось сделать его много выше, но потом я решил, что в таком варианте «Древо» будет более человечным. Да и мне самому интереснее работать руками, а не нанимать помощников для гигантского памятника. В России, мне кажется, монументы должны быть обращены к человеку — в отличие от тех, которые ставила советская власть. Хотя они были высокопрофессиональны.

— Не потому ли говорят, что тирания способствует созданию высоких образцов искусства?

— Абсолютно не согласен. И при тоталита-

